

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

ТРЕТЬЯ СКАМЬЯ НА ЛЕСНОЙ АЛЛЕЕ

рассказ

Радость у него сегодня, ах, какая радость! Ещё вчера и подумать об этом не мог, да что там вчера, — утром казалось, не дойти, ни за что не дойти! Надеялся, дай Бог, дотянуть до второй скамьи, а тут... Дошёл до второй, ноги дрожат, в глазах темно, но ведь не шатает и силы ещё есть, и решился — попробую, а ну как получится. И вот дошёл, дошёл...

Он медленно опустился на влажные доски, будто опасаясь, всё ещё не веря. В глазах радужные круги, задохнулся, бёдра, спина — всё воем воет.

«Ничего, — подумал радостно. — Ерунда, пройдёт. Отсижусь, а там как-нибудь и до койки».

И снова душа возрадовалась и запела:

«Дошёл, дошёл... До самой третьей!»

Он точно не знает, когда начал выходить в этот лесок на окраине города. Один из градоначальников хотел понравиться горожанам перед выборами и устроил здесь широкие дорожки-аллеи, установил скамьи и даже кое-где тяжёлые стальные тренажёры. Теперь это любимое место стариков и бомжей. Обрывками помнит картинку: мелкий холодный дождь и палый лист под ногами. Может, весной? Наверное, всё-таки осенью. Теперь тоже скоро осень. Вот уже и скамьи по утрам влажные от росы.

Он вообще ничего не помнит. Например, кто он сам и как его зовут. И как оказался в Доме, где живут отжившие своё и теперь ненужные люди. Просто проснулся однажды и увидел белые стены в пятнах раздавленных комаров, ряд одинаковых коек с тумбочками, каких-то людей. Его спрашивали о чём-то, строгий человек в белом халате, наверное, начальник, даже кричал, но он ничего не понимал и не знал, что от него хотят.

Если бы два года назад, там, на шоссе, где его жизнь разделилась на две, он умер и душа посмотрела сверху, как пишут люди, побывавшие в клинической смерти, она увидела бы картину ужасную. Его, лежащего на горячем асфальте лицом вниз неподалёку от развороченного ударом и теперь жарким факелом горящего автомобиля. Метрах в пятидесяти громадный грузовик с разбитыми фарами и погнутым бампером, а рядом парнишку-водителя. Парнишка жив и здоров, сидит на корточках, и в глазах его ужас. Люди в форме деловито бродят вокруг, фотографируют, чертят и измеряют что-то на асфальте.

Душа услышала бы голоса:

— Ну что там? — спросил тот, что постарше, служебным голосом. — Можно будет опознать кого?

— Вроде женщина была, товарищ майор, и дети, похоже, школьники. Но мало материала осталось, мало.

— О, смотрите, повернулся! Глаза открыл! Живой! — обрадованный голос младшего. И уже громко, на другую сторону шоссе: — Ребята, скорее носилки сюда. Один жив вроде...

Который постарше, тем же служебным голосом:

— Сразу отполз, видишь, потому и жив. Хотя что там у него живого осталось, не понять сразу. Вон как перемолело, мама не горюй.

Они не знали, что он тоже офицер, гвардии майор, командир батальона ВДВ Михаил Звягинцев и привык отвечать, когда к нему обращаются по званию. И что отползать от поражённой машины ему уже приходилось. На второй чеченской их разведгруппа вышла на задание, очень неудачное, нужно признать. Они дважды попали в засаду. И если в первый раз на секунду раньше по неаккуратной перебежке справа от дороги обнаружили засаду и успели огнём с брони положить гранатомётчика, то во второй ослабились. И через минуту, весь в чужой крови и мозгах, он, комбат, полз от полыхавшей БМП, сдирая кожу с ладоней и таща волочащиеся ноги в окровавленных берцах...

Но никто из полицейских на шоссе после аварии на пригородном шоссе два года назад и многочисленных госпитальных докторов потом этого не знал. Не помнил и сам гвардии майор Звягинцев. Душа осталась с ним и ничего не смогла увидеть. Он не помнил, где его лечили, откуда привезли сюда. Обрывками вспоминался начальник в белом халате, который кричал на него в палате и на тех, кто его привёз.

— Зачем он мне здесь? Как это «пусть полежит пока»? Да хоть на помойку, мне-то что! Да, давайте бумагу от министерства. До завтра по дождю, а потом...

Начальника можно было понять. Полгода назад комиссия выписала ему штраф, что на крыльце приёмного покоя не оказалось специальной дорожки для инвалидов колясок. И он также кричал, что проект ещё советский, никаких пандусов тогда не предусматривалось, а теперь где ему взять на него деньги. Месяц назад комиссия приехала снова и выяснила, что деньги, на кото-

рые он построил пандус, выделялись на косметический ремонт коридора и туалетов. Те же люди выписали новый штраф, теперь уже за нецелевое использование средств бюджета.

Но всё это Михаила Звягинцева не касалось. Он проснулся однажды и первое, что увидел, стены в пятнах раздавленных комаров.

За месяцы, проведённые здесь, он привык, точнее, прилачился к своему состоянию. И сейчас на скамье раздышался, прислушался к сердцу и понял, что заставит ноги дойти до койки, заставит.

«Как всё-таки здорово получилось сегодня, — подумал гвардии майор радостно. Он привык, что поставленные задачи выполняются точно и в срок. — Недавно от первой скамьи больше чем на пять метров отойти боялся. А теперь дошёл до третьей! Мне бы полный круг одолеть — вот будет здорово!»

Наверное, всё-таки не зря начальник в белом халате кричал на него. Видно, чуял по опыту, что привезли не просто очередного калеку, но большую проблему на его шею. Через день-два сестра доложила, что новенький открыл глаза, молчит и только улыбается ей. А той же ночью начальника срочно вызвали в палату. Новенького обнаружили у двери лежащим на полу. Соседи сказали, хотел встать, упал и пополз на выход. А у двери потерял сознание. Ему вкололи лекарство, и санитары отнесли на койку. На следующий день он снова полз к двери, но теперь соседи сообщили, что с койки не падал, а помаленьку сполз.

«Видать, знает, собака, что ноги не держат, — с лёгким матерком прокомментировали интересное событие. — А всё ж таки ползёт, едрёна корень».

Однажды ноги не подвели, и Звягинцев, раскачиваясь как ребёнок, самостоятельно дошёл до двери, облившись потом от макушки до пят. А потом всю ночь корчился под одеялом, скуля сквозь стиснутые зубы от страшной боли во всём теле. Потом одолел коридор. Потом стал доходить до двора. И снова без сознания его приносили санитары и, свистящим шепотом выговаривая ругательства, кололи какое-то лекарство. Потом дошёл до этого леса. На боль он давно привык не обращать внимания. Радовало, что громогласный человек в белом халате перестал появляться в палате и кричать. Просто махнул рукой. Откуда же гвардии майору было знать, что крикун на второй

же день наорал на медсестру, которая прибежала с известием, что новенький опять ползёт куда-то.

— Ну и х... с ним! Не мешайте. Пусть ползёт. Скорей койко-место освободит.

Прошёл всего год, и вот теперь у Михаила Звягинцева большая, просто огромная радость: он дошёл до третьей скамьи! Как всегда к этому времени, на лесной аллее сталолюдно. Женщины с лыжными палками, по одной и группами, проходили мимо. Многие уже узнавали его и привыкли к странной одежде, всегдашнему молчанию и улыбке. Раз-другой пробовали заговорить с ним, но скоро убедились, что бесполезно: «А, это старичок из Дома». Постоянные посетители леса стали звать его «старичком из Дома», по-доброму посмеиваясь над его неуклюжестью.

Он смотрел на женщин с палками и радовался, какие они оживлённые по утрам и нарядные в ярких спортивных костюмах и как много у них сил. А ему скоро подниматься и возвращаться в Дом. Это совсем непросто. И не идти нельзя, иначе на него опять станут кричать.

Молодая женщина остановилась у скамьи и посмотрела ему в глаза. Под воротом распахнутой курточки он увидел большой белый воротничок, отороченный кружевом. «Как интересно, — подумал он и улыбнулся женщине. — Такие воротнички носили девчонки в нашем классе».

И тут же оторопел: как?! Я вспомнил!! Я помню!!! Неужели память возвращается к нему? Но как ни силился, ничего больше вспомнить не смог.

Женщину звали Лена. Он звал её Ленкой, когда много лет назад сидел с ней за одной партой в школе №49 на Знаменской. И сегодня не было в городе человека, который знал о нём больше, чем она. Женщина стояла неподалёку от скамьи, укрывшись за стволом старого дерева, и смотрела, как он тяжело поднялся, постоял, раскачиваясь на слабых ногах, поймал равновесие и тихо побрёл в сторону Дома. Она едва сдерживала слёзы. Не потому, что он смешон в нелепых штанах канареечного цвета, наверное, женских, из финской гуманитарки. И не потому, что шёл, словно пьяный, раскачиваясь и внезапно останавливаясь посреди аллеи, чтобы перевести дух. Странные, не испытанные прежде чувства овладевали ею. Она жалела его и одновременно гордилась.

«Он совсем не переменялся, — думала она. — Изувечен, да, но характер тот же. Я же вижу. Он выберется, выберется, я знаю...»

Лена стояла за деревом, смотрела ему в спину и вспоминала ту далёкую теперь пору. После школы Михаил уехал поступать в военное училище в Рязань, а они с подружкой-одноклассницей Валею поступили на медфак местного университета. И обе были влюблены в него, и обе писали ему, и обе ждали, что вот приедет в отпуск и... Она уже тогда понимала, что во всём проигрывает Вале. Валентина весёлая, энергичная и умная. Дисциплины, которые ей приходилось брать почти дословными записями лекций и ночными бдениями, Валя сдавала легко, будто знание находилось у неё в голове и стоило только подумать минутку и взять, словно нужную книгу с полки. И при этом она и в студии танца, и в академии фотографии, и с докладами на студенческих научных собраниях.

На четвёртом курсе Миша приехал домой летом — сильный, громогласный, подвижный, как ртуть, весь в значках и нашивках. Они с Валею поженились и начали свой путь по гарнизонам. А Лена после учёбы осталась в городе, стала доктором. Года четыре назад Валентина неожиданно позвонила: они вернулись в родной город, Миша был в горячей точке, ранен и лежит в гарнизонном госпитале. Валя попросила: давай встретимся, не сможешь ли помочь, я ведь давно не практикую. Через час Лена была в госпитале. «Перебиты ноги, общая контузия, но не сильная, должен выкарабкаться, — сообщила ей знакомая завотделением. — Мы-то отпустим месяца через полтора, а там как комиссия решит: в строй или на пенсию».

— Что надо?

— Спрашиваешь. Что надо мужику, чтоб восстановить тело? Дать мышцам и связкам работу. Но без фанатизма, сердце-то не железное.

— О, Ленка! — обрадовался Миша в палате, когда она зашла к нему после обхода. — Ну, мужики, теперь я не пропаду, — весело сообщил сокоочникам. — У меня теперь свой доктор имеется. Рекомендую: известный врач и одноклассница Елена Премудрая...

Ничего-то в нём не переменялось за эти годы. Только лицо погрубело, стало жёстче, и ладонь будто каменная. А характер тот же, неунывающий, весёлый.

— Лен, ты бы узнала в ординаторской, что там коллеги думают насчёт меня. Когда поднимут? Меня в части ребята ждут.

— Узнала. Вот, распечатала для тебя.

И положила на тумбочку листки с упражнениями.

Она приезжала ещё несколько раз и всегда заставляла его опутанным резинками, которые он днями напролёт тягал поочерёдно то одной, то другой ногой. Ржавые гантели лежали под койкой, видно, с какого-то чердака. Ладони у него были стёрты этой ржавчиной и розовели, словно у вождя африканского племени, изготовившегося к бою. На упрёки, что перебирает с нагрузкой, что сердце не железное, Миша только улыбался. Потом Валентина позвонила снова: врачебная комиссия оставила в строю как ограниченно годного, отпуск ему продлили, приходи, может, подскажешь с реабилитацией. Она вспомнила, что посмеялась тогда над формулировкой: «ограниченно годный». У неё были к тому основания.

...За три дня до врачебной комиссии Валин брат Колька, в юности балбес и спортсмен, ставший крупным местным бизнесменом, пригласил их в ресторан. Он что-то важное купил или успешно продал, Лена не помнит. Но это решено было обмыть. В ресторане оказались старые Колькины партнёры. Вначале они громко приветствовали их компанию, присылали от своего стола к их столу шампанское, а красавице Валентине цветы, потом вспомнили прежние дела, загомонили, заспорили... Когда дошло до хватания за лацканы, из-за стола медленно поднялся Миша, до того только хмуро молчавший. Из того, что произошло потом, она помнит только лицо немолодого ресторатора с дёргающейся в нервном тике щекой:

— Николай Евгеньевич, вы же понимаете: это грандиозный скандал: челюсть, рука и два ребра. Меня же закроют!

— Не бзди, Витя. Я всё решу сейчас же.

И тут же, в машине, Колька предложил Михаилу возглавить службу безопасности в его компании.

— Хватит тебе по гарнизонам мотаться. Осядете с Валюхой в городе, дом построим, машину хорошую возьмёшь. Заживём...

Михаил даже минуты не думал, отказался. Валя звонила потом, рассказывала, что вечером пыталась поговорить с ним на эту тему, — женщина

всё-таки, ей ведь стабильности хочется и чтоб дом свой. Но Миша обрезал: «Я офицер и Родину присягал защищать, а не задницы бизнесменам». На том разговор закончили.

Лена стала приходиться в их дом, следить, чтобы не перегружал перебитые сухожилия. Он слушал, улыбался и снова возвращался в свой угол, выстланный туристическими ковриками-пенками, тягать резину. Девчонки крутились тут же, изо всех сил стараясь помочь, но только мешали ему. В последний вечер они выпили шампанского, и он подарил ей на память плюшевого медвежонка в тельняшке. Прощаясь, Валентина сказала: «Лена, через год-другой жди, обязательно приедем в отпуск». «Да, да, Ленка, мы ещё погуляем!» — добавил Миша, обнимая её за плечи.

А через два года они даже не успели встретиться. Только Валин звонок: «Лена, мы дома. Вечером приходи». И в первый же день эта драма на пригородном шоссе. Фото в газетах — страшно смотреть. Трагедия. Писали, водитель грузовика гулял в клубе всю ночь, а на трассе под солнцем разморило, выключился всего-то на секунду. В газетах сообщили, что имена погибших в легковушке удалось установить только в Москве, в центральной криминалистической лаборатории, по клочку обгоревшего офицерского удостоверения и оплавившимся автомобильным номерам. И будто бы владелец машины жив, но ни двигаться, ни говорить не может и не помнит ничего. Согласно комментарию в заметке, шансов выжить у пострадавшего почти никаких. Его вертолётном увезли куда-то в медицинский НИИ Минобороны.

Ушла, отболела трагедия в душе Елены. Дела вовлекли в свой бесконечный хоровод. Так ведь и сама доктор. Работа у неё такая: каждый день перерыв глазами чужая боль, чужая судьба, подчас на волоске, и смерти. Да, смерти. Куда же без них. Жизнь человеческая, к сожалению, конечна.

Но что мы можем знать про себя наперёд? Разве можем угадать, что нам уготовано завтра? Лена встретила Михаила случайно. Бригаду медиков отправили на три дня в Дом на диспансеризацию, и она узнала его в коридоре. Хотя правильнее было бы сказать — опознала. Она оторопело прижалась к стене и, замерев сердцем, смотрела, как Миша раскачивался, пытаясь поднять ногу и сделать шаг. Обожжённое лицо в каплях пота сосре-

доточено и отчаянно-злое. Наконец ступил, покачался и снова собрался, для нового шага...

Лена больше не могла смотреть на это. Она вышла во двор и стала ходить по тропинке меж чахленьких ёлок. Все мысли, что сваливаются на человека в такую минуту, свалились и на неё. «Господи, сколько же лет прошло? Три-пять? — Она никак не могла сообразить. — И всё это время он живёт здесь таким? И борется, борется. — Она видела. Мысли у неё путались, — Господи, за что так казнишь?»

Она, хоть и редко и совсем ненадолго, заходила в церковь. Была из тех, которых молодой приходской священник называл в шутку «наши захожане». Как и многие врачи, в душе она верила, но избегала разговоров на эту тему. Почти все доктора верят, это известно. В их работе происходят события сокровенные, необъяснимые никаким знанием. Одни это скрывают, другие пытаются замаскировать бравадой или напускным цинизмом.

В теперешней Лениной жизни всё было спокойно и ровно. Она так захотела сама. После университета сокурсницы вышли замуж, занялись детьми. Несколько девчонок, и раз, и другой попробовав брак, ударились в науку, стали кандидатами, а одна уже в Москве, доктор, жена академика. С браком не вышло и у неё. В официальном скоро поняла, что ещё немного и превратится в обычную службу грубоватому, малоподвижному и, в общем-то, совершенно чуждому по духу человеку. И однажды утром попросту сбежала. В гражданском браке уже через полгода оказалось, что единственное, что их связывает, это монотонная физкультура в постели по субботам. И тоже решительно положила этому конец. И в науку не пошла, вовремя решив для себя, что это ей не нужно. Она всерьёз занялась практикой, набирая и набирая опыта, не жалея на это времени и сил. После приёма в поликлинике бежала в больницу, соглашалась на самые неудобные подмены и дежурства, ввязывалась в любые проекты. Даже в Центре медицины катастроф поработала, облетев на вертолёте половину области. Теперь она неоспоримый авторитет среди коллег, известна в области, неплохая зарплата. Что ей ещё?

Среди реденького хвойного леса потянуло холодком и настоявшейся лесной прелью. Она зяб-

ко повела плечами. Нужно возвращаться. День уходил незаметно. Так же незаметно пролетали все её годы. И это ей нравилось. Она давно убедилась, что постоянная занятость лучшее избавление от мыслей об одиночестве. «Одиночество бывает тогда, когда на это есть время», — прочитала недавно в модном романе. У неё времени не было. И ещё любила осень, любила лесные прогулки и знала, что запах лесной прели возникает к концу лета и всегда предвещает дожди. А дожди, известно, принесут осень, а осень пусть короткую, но радость.

Озябнув в лёгком халатике и успокоившись, вернулась в корпус. Дверь в палате оказалась приоткрыта. Она не удержалась, заглянула и увидела его, распластавшегося, обессиленного, в мокрой на груди больничной рубашке. Она не могла, не желала представлять его таким. Это казалось настолько несправедливым, неправильным, что душа взбунтовалась.

Вечером на маленькой опрятной кухоньке Лена налила вино в любимый бокал, долгим невидящим взглядом смотрела в тёмное окно и вспоминала то, что уже успела позабыть. В дверь позвонили. Подруга Наташка, едва взглянув, тотчас потребовала: «Ну-ка плесни и мне. Иначе не пойму, чёй-то ты тут рассиропилась. Опять козёл какой-нибудь в душу влез?»

Лена налила подруге вина и рассказала о встрече на лесной аллее. «Ого-го! — отреагировала Наташка. — И чего? Старая любовь проснулась?»

— Нет, Наташа, тут что-то другое. Не пойму я пока.

— Выбрось из головы. Ты и мужа своего любила, — помню твои мучения, и этого, как его, позабыла уже, да тот толстячок в тельняшке. Страданий от них накушалась выше головы. Довольно уже. О себе подумай. А тут ещё инвалид-развалина.

— В том-то и дело, что не инвалид и не развалина. Тут мужчина, сильный, настоящий мужчина.

— Ты же говорила, даже ходить не может.

— Ноги у него ходить не могут, а душа-то летает. Я же вижу.

— Что-то я тебя не пойму.

Они помолчали. По подоконнику застучали мелкие капельки дождя. Поздняя осень вступала в свои права. Теперь дожди зачастят, станут всё холоднее. Потом придёт снег — пушистый, станет медленно падать крупными хлопьями. Собаки во

дворе станут гоняться за этими хлопьями, хватать на лету и потом в недоумении крутиться вокруг хвоста: ведь поймал, а ничего нету! Куда делось?

— Лен, и чего думаешь делать теперь?

— Думаю вот что. Ты вот про любовь вспомнила. Нет, какая уж теперь любовь: юность давно позади. Да и не надо мне этого больше. Но я же врач. Ведь так? И хороший врач!

— Ну, извини. Кто бы сомневался.

— И вот случай, где я обязана доказать это себе. Ещё раз. Только себе. Окончательно. Не аттестационной комиссии, не на курсах повышения, переподготовки и прочее. Там я уже всем всё доказала. Вытащу его или не вытащу; смогу или не смогу. И чтоб никто не знал. Понимаешь?

— Не очень. А тебе это надо?

— Надо, Наташенька. Очень надо.

Назавтра после работы достала с антресолей старые коробки с конспектами, вечерами сидела в библиотеке, навестила дома старого профессора, что читал им курс на кафедре психотерапии. Так появился белый школьный воротничок из давно забытой школьной жизни. Она отметила тогда: Миша заметил воротничок, заметил. И это давало ей надежду.

Она сделала ещё одно важное дело — позвонила Николаю. Младший брат Валентины распорядился теперь их квартирой. Оказалось, позвонить до него непросто. «Николай Евгеньевич занят. Николай Евгеньевич просил не соединять. Совещание. Уехал. Будет дня через три-четыре...» И когда совсем упала духом, он взял трубку.

— Квартира? А тебе зачем? Ка-а-ак!!! Живой?! Ничего себе! Так ведь во всех газетах писали. И карточки печатали... Давай так: утром приедет мой человек и вставит новый замок. Ключ забирай. И держи меня в курсе. Если что — сразу звони...

На следующий день гвардии майору Михаилу Звягинцеву до третьей скамьи дотянуть не удалось. В глазах неожиданно потемнело, и он очнулся на утопанной холодной земле от женского гомона и ощущения, что тянут куда-то. Поднялся и, подпираемый со всех сторон любительницами прогулок с лыжными палками, виновато улыбаясь, вернулся на вторую скамью. День-другой Звягинцев молча ругал себя всякими словами и топтался между первыми двумя скамьями, собираясь с духом. А потом неожиданно повезло.

Столяр из Дома вручил прочную палку, вырезанную из корня, с закруглением на конце так, что палка ложилась в руку будто влитая. Было воскресенье, и им выдали на обед горячие пирожки с рисом. В знак благодарности свой пирожок он отнёс в подвал, в столярную мастерскую, и заодно проверил, как управляться с палкой. С ней оказалось не в пример надёжнее.

«С палкой-то я теперь... Что там скамья... Я же целый круг сделаю, — думал он радостно. — А там, глядишь...» У него даже голова закружилась от радостных перспектив.

Звягинцев угадал. С палкой гордо прошагал мимо второй скамьи и даже не остановился. Возле третьей постоял немного, подумал, не пройти ли дальше, но не решился, вспомнил недавнюю неудачу и присел. «Передохну чуток, а там и до четвертой махну без отдыха», — подумал он, немного даже гордясь собой.

Ближе к осени аллеи в лесу заметно пустеют. Тем более ранним утром, когда воздух среди деревьев ещё не успел прогреться. И теперь сквозь куртку гвардии майор чувствовал острый холодок и сыроватость. Лето заканчивалось, а он так и не сумел выполнить намеченное, пройти аллею вкруговую, всю, от начала до конца. И это обстоятельство его сильно удручало.

«Метров сто-сто пятьдесят только осилил, — с острым недовольством собой язвительно подумал он. — Жалеть себя начал, что ли. Рассиропился. Этого мне только не хватало».

Он опёрся на палку и хотел было рывком подняться, но тут увидел на скамье книгу. Книга лежала на самом краю так, будто кто-то минуту назад читал, отложил и ушёл, забыл. Он смотрел на тёмно-зелёную обложку, наискось вдавленные золотистые буквы названия, и в висках у него застучали молоточки. Кровь бросилась в лицо. Он вспомнил. Это ведь любимая его книга, сборник стихов, которые долго считал лучшими. Он возил её с собой с курсантских времён и почти все стихи знал наизусть.

Звягинцев вспомнил, что в то время книгу невозможно было достать. На последнем курсе её подарила Валя. Он никогда не забудет надпись, которую она сделала: «Мишенька, милый! Я так долго искала эти стихи для тебя, что даже отчаялась и боялась не успеть ко дню рождения. Но успела и так рада! Помни, как бы трудно ни было, я

всегда с тобой! Я люблю тебя очень!» Имя, фамилия и их город...

Он выронил палку. Руки дрожали крупной дрожью. Вдруг книга не его, испугался он, одна из тысяч, похожая. Он медленно подвинулся к краю скамьи и аккуратно взял томик в руки. Сердце колотилось, пот занавесил глаза. Михаил смахнул капли ладонью и осторожно, словно под обложкой могла оказаться мина натяжного действия, открыл. Да, это его книга! Вот страничка с дарственной, Валина рука в аккуратных ровных строчках. Он узнал, вспомнил! Разве такое можно забыть!

...На подгибающихся от усталости ногах комбат Звягинцев прошагал приёмную и, не обращая внимания на секретаря, распахнул дверь в кабинет строгого начальника в белом халате. Молча положил перед ним томик, открытый на Валином посвящении, и пальцем указал надпись, подчёркивая грязным ногтем имя, фамилию и город, а потом, тыча себя в грудь, — это я, я, я... «Я вспомнил! Я помню! Ко мне вернулась память!» — сказал бы он, если б мог говорить. Строгий человек откинулся в кресле, недоумённо глядя то на книгу, то на него, и стал кричать на секретаршу:

— Что происходит? Я занят! Мне срочно объяснительную в прокуратуру писать, почему во втором корпусе аварийный выход на сантиметр меньше норматива. А по вашей милости больной мне автографы суёт. Я же просил! Чтоб ноги его больше...

Неизвестный голос, низкий, вибрирующий, строгий, вдруг отчётливо произнёс:

— Отставить! Вы что себе позволяете? Обращаться по форме!

Строгий человек в белом халате поднялся из-за стола и смотрел на него остановившимся взглядом. Звягинцев оглянулся. В кабинете, кроме них, никого не было. Только секретарша застыла у двери. Кто это сказал? Он взял со стола книгу и пошёл к выходу. Секретарша испуганно шагнула вперёд и распахнула перед ним дверь. Тот же низкий и немного вибрирующий голос произнёс: «Спасибо...»

За последнюю неделю уже дважды Звягинцев проходил первые две скамьи, не задерживаясь на минуту. На третьей присаживался на краешек, давал отдых ногам и шагал дальше. Дорожка

ка уходила в глубь леса метров на триста, потом поворачивала влево и заканчивалась на другом краю дороги. По его расчетам, недели через две-три он обязан проходить весь маршрут без остановок. Это главное, что он обязан выполнить до зимы. Потом будет другой план. Звягинцев радовался, когда выходило по задуманному.

За стволом старого дерева неподалёку от скамьи он заметил женский силуэт. Эту женщину Михаил видел не впервые, и всякий раз она по-женски неуклюже пряталась от него. Сегодня всё получалось. Он чувствовал в ногах и спине ещё много сил. От ощущения прибывающей силы радость распирала сердце. Он негромко сказал женщине:

— Выходите сюда. Что вы всё время прячетесь?

Женщина вышла, и он узнал её. Это она в белом школьном воротничке недавно смотрела на него и молчала. Теперь у неё в руках был смешной медвежонок в тельняшке. Он смотрел то на женщину, то на медвежонок и всё больше убеждался, что видел её когда-то давно, что наверняка знает. И этот медвежонок... Он неожиданно вспомнил, и руки задрожали, и испарина тяжёлыми густыми каплями выступила на лбу:

...Он вспомнил: горы, горы, горы слева и справа узкой дороги; сама дорога в обломках острых камней от недавнего взрыва, невероятная жара, которую не замечал во время боя, а теперь просто нестерпимая, низкие дома и ребят, ещё на взводе, на адреналине. Они сели в тени, а стена из плитняка накалилась за день — не прикоснуться... Да что там сели — рухнули, сбросив броники к ногам и отложив автоматы. И тут появился ребёнок, мальчишечка. Подошёл боязливо, осторожные глазки бегают с одного бойца к другому. Оказалось, ищет командира. Увидел его, подошёл и протянул игрушку, мишку в тельнике.

— Зачем? Не надо. Оставь себе...

Мальчишечка нерешительно задержал руку. Из дома вышла женщина, наверное, мать:

— Возьмите, у него больше нет ничего, только этот мишка. От отца.

— А отец где? По горам бегаёт?

— Отца убили. Он служил у федералов, офицер. Такая же форма, как у вас. Шайтаны пришли и его первым убили.

Он взял мишку, засунул под лямку разгрузки на груди, вытащил из БТР свой сухпай и отдал мальчишке.

— Спасибо тебе! У меня больше нет ничего. Спасибо!

«Господи, Господи, я помню всё. Спасибо Тебе! — подумал он, стыдясь перед женщиной своих дрожащих рук. — Но почему мой медвежонок в руках у этой женщины?»

— Узнал меня, Миша?

Звягинцев медленно приходил в себя, долго смотрел на неё и вдруг вспомнил:

— Ты ведь Лена, да? Угадал? Ленка, доктор Елена Премудрая, так?

От радости голос Звягинцева дрогнул, в глазах зашипало, но он сдержался и просто сидел и радостно улыбался:

— Ленка... Откуда ты здесь? А я, видишь, прихворнул немного.

— Вспомнил! И голос вернулся, и память! Молодец!

— Лена, а где Валя и девочки? Ты приведёшь их ко мне? — И, не дожидаясь ответа, почему-то торопясь, доверительно сообщил: — Знаешь, я ведь скоро уйду отсюда. Мне осталось немного, я окрепну и уйду.

— А давай не станем откладывать, Миша? Вот одежду тебе принесла. Всё твоё. Переоденься в палате и жди меня завтра. Поедем домой, к твоим девочкам съездим, а потом будем лечиться. Нам ещё нужно много лечиться. Договорились?

Как весной, летом и, наверное, будет всегда, в палате играли в бесконечные карты, лениво переругивались и всё время что-то ели. Гвардии майор Михаил Звягинцев сел на кровать и попытался собраться с чувствами. В голове сумбур, а душа радостно пела: домой, домой, домой. У него ведь есть дом!

Он развязал холщовый мешок с красивой иностранной надписью. В мешке нашёл свои старые вещи: кроссовки, джинсовую курточку и брюки. Он сразу узнал их и обрадовался. Вещи хоть и оказались почему-то немного великоваты, но напомнили о другой жизни, о доме. Звягинцев хотел было забросить пустой мешок под кровать, но ему показалось, будто в нём есть ещё что-то. Он сунул руку и на самом дне почувствовал мягкое и на ощупь очень знакомое. Старый голубой берет! И снова бешено заколотилось сердце. Этот берет, ещё без офицерской кокарды, он когда-то забыл дома. Берет так и лежал на полке, напоминая о курсантской юности, временах бурлящей крови и ощущения безграничных возможностей. Словно маленькую подраненную птицу, он аккуратно расправил берет в ладонях и, уткнувшись в него, заплакал.

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

